

На правах рукописи

СТАРИКОВА Надежда Николаевна

**Типология словенской исторической прозы:
роман 1920-х-1930-х гг.**

Специальность – 10.01.03 – литература народов стран зарубежья
(словенская литература)

Автореферат диссертации
на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Москва 2007

Работа выполнена в Центре по изучению современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук **Л.Н. Будагова**

доктор культурологии **Е.И. Волкова**

доктор филологических наук **С.Ф. Мусиенко**

Ведущая организация – **Санкт-Петербургский государственный университет**, филологический факультет, кафедра славянской филологии

Защита диссертации состоится 24 апреля 2007 г. в 15.00 час. на заседании диссертационного совета Д 002.248.02 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук в Институте славяноведения РАН по адресу: *119334 Москва, Ленинский проспект 32а, корпус «В», 9 этаж (ауд. 901-902).*

С диссертацией можно ознакомиться в диссертационном совете
Института славяноведения РАН

Автореферат разослан 15 февраля 2007 г.

Ученый секретарь

диссертационного совета

доктор филологических наук **Н.М. Куренная**

Исторический роман можно отнести к бесспорным художественным достижениям словенской литературы: до настоящего времени он остается одним из ведущих жанров словенской прозы. Развиваясь в общем русле национального литературного процесса, этот жанр, пропагандируя идеи национального единения, политической и социальной консолидации, сопротивления внешней угрозе, патриотизма, способствовал обогащению идейно-эстетического контекста литературы, обновляя собственную поэтику новыми художественными формами. Он показал себя как один из наиболее новаторских, интенсивно развивающихся, типологически продуктивных, во многом определив «лицо» словенской прозы XX, а теперь уже и XXI в.

Путь развития словенского исторического романа отличен от «биографии» этого вида прозы в большинстве европейских литератур: в Словении этот жанр достигает своего подлинного расцвета не в первой половине XIX в., как, например, английский, французский или русский, а в первой трети XX в., пройдя вместе с литературой этапы становления реализма. Принципиальную роль в его генезисе и эволюции играют два десятилетия между Первой и Второй мировыми войнами, являющиеся важнейшим периодом в формировании жанра, который словенские исследователи называют «кульминацией» в его развитии¹. Именно в этот период в словенской прозе складываются основные типы исторического романа XX в.

В диссертационной работе рассматриваются ключевые произведения словенской исторической прозы, относящиеся к межвоенному периоду и представляющие ее ведущие типы. Между 1918 и 1940 г. в Словении было опубликовано свыше двадцати исторических романов и почти столько же повестей, многие из которых отличаются значительным художественным своеобразием и новаторством. К исторической прозе обращаются такие крупные прозаики разных поколений и художественных направлений, как И. Тавчар (1851-1923), классик конца XIX в., в творчестве которого переплелись романтические и реалистические тенденции — роман «Хроника усадьбы Высокое» (1919), последователь экспрессионизма И. Прегель (1883-1960) — романы «Plebanus Joannes» (1920), «Проповедник Ерней» (1923), «Толминцы» (1927), основоположник словенского

¹ Hladnik M. Slovenski zgodovinski roman danes // XXXV SSJLK. Ljubljana, 1999. S. 117.

натурализма Ф. Говекар (1871-1949) — роман «Рассвет» (1921), а также авторы произведений, ориентированных на социальный и психологический реализм: И. Лах (1881-1938)— «Ангелин Хидар» (1922), «Старокартанский роман» (1922), Ф. Бевк (1890-1970) - «Знаменья на небе» (1927—1930), Я. Кач (1891-1952) - «Молох» (1936), И. Ваште (1891-1967) — «Умирующие души» (1929), «Роман о Прешерне» (1937), А. Слодняк (1899-1983) — «Нетленное сердце» (1938), В. Бартол (1903-1967)— «Аламут» (1938), Й. Пахор (1888-1964) — «Матия Горьян» (1940) и многие другие. Повествуя о событиях национального прошлого, авторы стремятся поместить его в европейский контекст, сделать акцент на событиях общеевропейского (общемирового) значения. Удивительна стабильность, характерная для исторического романа как в 1920-е, более «авангардные» годы, так и в 1930-е годы подъема реалистического искусства. Такой взлет напрямую связан с изменением общественных и политических условий жизни в Словении, с необходимостью определить национальные приоритеты и стратегию развития национальной культуры и литературы на новом историческом этапе.

Актуальность темы исследования определяется масштабом и значимостью рассматриваемого жанра для литературы Словении, тем интересом, который он представляет как специфическое художественное явление при изучении европейского литературного процесса, а также тем, что целый ряд проблем остался пока вне сферы внимания ученых. Назрела необходимость определения концепции развития словенского исторического романа XX в. и выявления его продуктивных типологических моделей.

Цели и задачи исследования - изучив генеалогию и историю становления в Словении исторического романа как жанра, на крупнейших художественных достижениях проследить его развитие в 1920—1930 годы, выявить продуктивные типологические разновидности, определить, какова была его роль в литературной жизни своего времени, насколько этот жанр смог выполнить свою общественную и художественную функцию, проанализировать перспективы его развития во второй половине XX в. и выявить жанровую преемственность. В центре внимания находятся те произведения, которые наиболее наглядно отражают основные направления развития словенского исторического романа межвоенного времени, воплощают в себе ведущие тенденции в трактовке национальной и мировой истории. Анализ представленных текстов дает

возможность выделить ряд специфических черт, присущих как словенскому историческому роману в целом, так и отдельным его модификациям, определить то новое, что внесли их авторы в художественную жизнь своей страны, что объединяло их поиски с опытом европейской литературы.

Научная новизна работы состоит в том, что в ней впервые в отечественном и словенском литературоведении всесторонне исследуется исторический роман как значительное художественное явление словенской литературы XX века, рассматриваются его генеалогия, типология и поэтика, предлагается типологическая классификация жанра исторического романа, прослеживается функционирование его продуктивных моделей во второй половине XX в.

Материалом исследования послужили самые значимые произведения словенской исторической романистики исследуемого периода, представляющие наиболее характерные типы исторического романа: историко-биографический, историко-философский, историко-социальный роман, а также произведения второй половины XX века, в которых эти типы нашли свое последующее развитие.

Методологической основой диссертации являются труды по литературоведению как российских, так и зарубежных (в первую очередь словенских) ученых. Это труды по общим и частным проблемам поэтики (С.С. Аверинцев, М.М. Бахтин, М.Л. Гаспаров, Д. Пирьевец, Х.Р. Яусс), по исторической поэтике и поэтике мифа (А.Н. Веселовский, А.В. Михайлов, Е.М. Мелетинский, М.К. Мамардашвили, В.Е. Хализев), по типологии романа (Ф. Здрavec, А. Флаккер, А.Я. Эсалнек), по поэтике и типологии исторического романа (И.П. Варфоломеев, Г.В. Гепперт, И.К. Горский, Г. Лукач, С.А. Орлов, А.И. Пауткин, С.М. Петров, Б.Г. Реизов, Н.Д. Тамарченко, М. Хладник и др.), по проблемам семиотики художественного текста (Ю.М. Лотман). В разработке темы автор стремился к конструктивному совмещению историко-литературного и типологического подходов.

Научно-практическая значимость диссертации определяется актуальностью темы и новизной исследования. Его результаты могут быть использованы преподавателями вузов при чтении курса лекций по истории словенской литературы, по истории славянских и зарубежных литератур, по теории литературы, в спецкурсах и спецсеминарах по историческому роману. Материалы и выводы могут также стать

базой для дальнейших разработок в области поэтики и типологии исторического романа.

Апробация результатов диссертации. Основные положения работы были представлены в докладах на научных конференциях и симпозиумах: «Центральная и Юго-Восточная Европа: литературные итоги XX века» ИСл РАН (Москва, 2001), IV Славистические чтения памяти проф. П.А.Дмитриева и проф. Г.И.Сафронова (СПбГУ, 2001), «Славянский мир в третьем тысячелетии» (Москва, 2002), «Славянские литературы в контексте истории мировой литературы: преподавание, изучение» (МГУ, 2002), «Словенский роман» (Любляна, 2002), «Первая мировая война в литературе и культуре западных и южных славян» (ИСл РАН, 2003), Ломоносовские чтения (МГУ, 2004), «Национальное самосознание славянских народов в современном мире» (Москва, 2004), «Национальная идентичность литератур Центральной и Юго-Восточной Европы в условиях глобализации» (ИСл РАН, 2004), «Вторая мировая война: опыт истории – опыт литературы» (ИСл РАН, 2005). Ее материалы использовались автором при чтении спецкурсов на филологическом факультете МГУ им. М.В.Ломоносова. Диссертация обсуждалась на заседании Центра по изучению современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН. Результаты исследования отражены 30 публикациях, общим объемом около 31 п.л., в том числе в монографии «Словенский исторический роман 1920-1930-х годов. Типология. Генеалогия. Поэтика» (М., 2006, 12 п.л.).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, приложения и библиографии.

Содержание работы.

Во **Введении** обосновывается актуальность темы исследования, устанавливаются его цели и задачи, научная новизна и практическая ценность, определяется место исторического романа в словенской литературе в соответствии со спецификой ее развития, значение межвоенного периода в процессе формирования жанра, дается обзор литературоведческих работ, касающихся исследуемой проблемы.

Период между двумя мировыми войнами в словенской литературе характеризуется атмосферой свободного художественного поиска, идейных и философских споров и значительного художественного плюрализма. Это время

знакомства широкого круга читателей с переводами важнейших трудов К. Маркса, С. Кьеркегора, Ф. Ницше, З. Фрейда, освоения авторами новых литературных направлений, среди которых ведущее место заняли экспрессионизм и социальный реализм, а также реализм, модернизированный открытиями психологической прозы. Это время активизации отдельных жанров, обновления их поэтики, «обживания» новых тем и форм. На фоне общего нарастания дифференциации литературного процесса взаимодействие разных идейных, философских, эстетических тенденций происходит как внутри литературного течения или в творчестве отдельного автора, так и на уровне одного произведения. В этот период впервые заявляют о себе созданные на материале национального прошлого социально-исторический роман-хроника, социально-исторический роман-эпопея, историческая художественная биография, апеллирующий к мировой истории историко-философский интеллектуальный роман. При этом, с одной стороны, национальная история все глубже осмысливается словенскими прозаиками как источник конкретного социального и духовного опыта, с другой — они акцентируют свое внимание на всеобщем, на том, что вопреки временным границам сближает людей разных эпох. За подробностями исторического быта авторы видят «абсолютное бытие», ищут в прошлом общечеловеческое, универсальное начало. Этот процесс накопления и трансформации «исторического» как эстетического аналога социокультурного продолжит свое развитие в литературе второй половины XX в.

В словенском литературоведении интерес к собственно историческому жанру и его особенностям возникает после 1945 г. До этого исторический роман рассматривался в историях литературы И. Графенауэра (1920) и А. Слодняка (1934) только в связи с анализом творчества отдельных прозаиков, такой же подход наблюдается и у авторов многочисленных последующих историй литературы М. Боршник, Л. Легиши, Й. Погачника, Ф. Задравца, Я. Коса, Х. Глушич, Г. Коцияна, С. Боровник. В том же русле рассматриваются произведения исторического жанра русскими учеными - авторами глав «Истории литератур западных и южных славян» Т.И. Чепелевской, М.Л. Бершадской, М.И. Рыжовой, В.В. Сонькиным. В 1950-60-е гг. некоторых аспектов развития жанра касаются в своих трудах, исследующих отдельные течения в литературе XIX-XX вв., литературоведы Б. Патерну и Д. Пирьевец. В это же время появляется первая и пока единственная в Словении монография об историческом романе межвоенного периода М. Крамбергера. «Хроника

усадьбы Высокое»². Литературоведческая интерпретация» (1964). Словенский исторический роман XIX в. и его генезис является объектом исследования в работах К. Богатай-Градишник, И. Грдины, М. Кмецла, Г. Коцияна². Отдельные аспекты бытования жанра в XX в. рассматривают Х. Глушич, Я. Ротар, Д. Рупел, М. Юван, Ф. Задрavec, А. Зупан-Сосич³. Однако в словенском литературоведении нет пока комплексных монографических исследований, посвященных типологии жанра и рассматривающих его специфику на разных этапах эволюции. Некоторые проблемы жанровой специфики, поэтики и отчасти типологии национальной модели исторического романа разрабатывает М. Хладник⁴. Работы российских ученых Н.И. Кравцова, Е.И. Рябовой, Г.Я. Ильиной⁵ касаются отдельных проблем развития литературного процесса в Словении на рубеже веков и в 1920-30-е гг.

В **первой главе** диссертации «Своеобразие исторического романа. К вопросу о типологии жанра» рассматриваются теоретические аспекты исторического романа, его жанровые доминанты и характерные признаки, анализируется ряд типологических систем жанра, выдвигаемых отечественными и зарубежными учеными, предлагается авторское решение проблемы типологической классификации.

² *Bogataj-Gradišnik K.* Literarne konvencije v slovenskem zgodovinskem romanu 19. stoletja // Primerjalna književnost. Ljubljana. 1994. № 1; *Grdina I.* Zgodovinski roman v slovenski književnosti // Obdobja 21. Slovenski roman. Ljubljana, 2003; *Kmecl M.* Zgodnji slovenski zgodovinski roman // XIX SSJLK. Ljubljana, 1983. *Kocijan G.* Zgodovinska snov v pripovedni prozi med Vrazom in Jurčičem // Jezik in slovstvo. Ljubljana. 1979. Let. XXIV. № 8.

³ *Glušič H.* Sodobni slovenski zgodovinski roman // XIX SSJLK. Ljubljana, 1983; *Rotar J.* Vrstna inovacija v sodobnem zgodovinskem romanu // Sodobnost. Ljubljana. 1984. № 3,4; *Rupel D.* Novi slovenski zgodovinski roman // Sodobnost. Ljubljana. 1979. № 6; *Juvan M.* Vezi besedila. Ljubljana, 2000; *Zadavec F.* Slovenski roman 20. stoletja. I-II. Ljubljana, 1997-2002; *Zupan Sosič A.* Zavetje zgodbe. Ljubljana, 2003.

⁴ *Hladnik M.* Pot slovenske zgodovinske pripovedne proze v XX. stoletje // XIX. SSJLK. Ljubljana, 1983; Tipi slovenske trivialne proze na začetku stoletja // Obdobje simbolizma v slovenskem jeziku, književnosti in kulturi. 2.del. Ljubljana, 1983; Slovenski romani o luterancih // XX. SSJLK. Ljubljana, 1984; Temeljni problemi zgodovinskega romana // Slavistična revija. Ljubljana. 1995. № 1—2; Slovenska diskusija o zgodovinski povesti in zgodovinskem romanu // Slavistična revija. Ljubljana. 1996. № 2; Slovenski zgodovinski roman danes // XXXV SSJLK. Ljubljana, 1999; Čas v slovenskem zgodovinskem romanu // XXXVI SSJLK. Ljubljana, 2000.

⁵ *Кравцов Н.И.* Основные тенденции развития словенской литературы конца XIX– начала XX века // Зарубежные славянские литературы. XX век. М., 1970; *Рябова Е.И.* Иван Цанкар и течения словенской литературы конца XIX - начала XX века // Литература славянских и балканских народов конца XIX– начала XX веков. Реализм и другие течения. М., 1976; Общественно-политические и философские взгляды Ивана Цанкара // Исторические и историко-культурные процессы на Балканах. Балканские исследования. Вып.7. М., 1981; Основные направления в межвоенной словенской литературе // Зарубежные славянские литературы. XX век. М., 1970; *Ильина Г.Я.* Развитие югославского романа в 20-30-е годы XX в. М., 1985.

В литературоведении последней трети XX – начала XXI в. большинство ученых рассматривают исторический роман XX в. как самостоятельный жанр, обладающий проблемно-тематическими признаками, отличающими его от прочих романских форм. Однако многие вопросы его специфики вызывают споры, сосуществуют различные, иногда взаимоисключающие точки зрения. Это объяснимо: все жанры литературы XX—XXI вв. демонстрируют не только яркую способность к идейно-тематическому обогащению и обновлению, но и небывалое многообразие стиливых решений, формальных приемов, широкий спектр художественных новаций. Нормой становится смешение, взаимопроникновение различных жанровых признаков.

В стремлении привести различные точки зрения к общему знаменателю, на наш взгляд, целесообразно опираться на понятие хронотопа, имеющее, по Бахтину, «существенное жанровое значение»⁶. Бахтинская концепция соотношения эпоса и романа как двух хронотопов в типологическом плане позволяет яснее увидеть «жанровую доминанту» (термин Ю.Тынянова) исторического романа. Если исходить из того, что роман — в сравнении с эпосом — «открывает новую зону построения литературных образов, именно зону максимального контакта с настоящим (современностью) в его незавершенности»⁷, то появление исторического романа могло означать существенное изменение жанрового хронотопа: история и современность вступали в прямой контакт друг с другом, взаимно проникая и преобразовывая друг друга. Суть открытия первого исторического романиста В. Скотта состояла в том, что он сумел отделить историю от современности, сопоставить их и увидеть в истории не просто совокупность фактов, последовательность событий, но отрезок живой жизни, которая была столь же многогранна, насыщена страстями, как современность.

К «жанровым доминантам» исторического романа автор настоящего исследования относит:

1. *Историзм* мышления и художественного воссоздания жизни, означающий изображение общественной и частной жизни людей в их определенности,

⁶ Бахтин М. М. Форма времени и хронотопа в романе. В кн.: Вопросы литературы и эстетики. М., 1978. С. 399.

⁷ Бахтин М. М. Эпос и роман. О методологии исследования романа // Вопросы литературы. 1970. № 1. С. 106.

детерминированности, восстановление «целостности истории в индивидуальной человеческой судьбе»⁸.

2. *Документализм*, понимаемый как научная документированность фактической основы произведения, которая позволяет представить себе не только детали предметного мира, но и психологию людей, духовную атмосферу времени.

3. *Своеобразие поэтики* как системы способов образного обобщения исторической действительности, при котором, согласно М.М. Бахтину, «преодолевается замкнутость прошлого»⁹.

Попытки создать типологию исторического романа предпринимались в XX в. многими российскими исследователями. При этом так как произведения XIX и XX вв. рассматривались, как правило, по отдельности, то за основу брались различные содержательно-структурные признаки. Например, Н.Д. Тмарченко выделяет три жанровых разновидности: авантюрно-психологическую, авантюрно-философскую, народно-эпическую, В.Я. Малкина — две: авантюрно-психологическую и авантюрно-философскую. Классификация В.Д. Оскоцкого включает социально-аналитический роман-хронику, психоаналитический роман-жизнеописание, роман-эссе, философский роман-притчу, романтический роман-легенду. Т.В. Макаровская различает роман-эпопею и собственно исторический роман в зависимости от того, насколько тесно переплетаются в произведениях «история дела» и «личный» сюжет. Исходя из соотношения субъекта и объекта, И.В. Скачков выделяет роман-биографию, где центром идейно-композиционного строения является деятельность одного героя, роман-историю, воссоздающий общественно-исторические события, и роман-эпопею, совмещающий черты ранее названных типов. И.П. Варфоломеев основывается на типологии вымысла и в соответствии с этим указывает на историко-реалистический, историко-романтический и историко-очерковый романы¹⁰.

⁸ Лукач Г. Исторический роман // Литературный критик. М. 1937. № 7. С.47.

⁹ Бахтин М. М. Форма времени и хронотопа в романе. В кн.: Вопросы литературы и эстетики. М., 1978. С. 376.

¹⁰ Тмарченко Н.Д. О своеобразии русского исторического романа («Князь Серебряный» А. К. Толстого...) // Вопросы теории и истории русской литературы: Межвузовский сборник научных трудов. Брянск, 1994. С. 96; Малкина В. Я. Поэтика исторического романа. Тверь, 2002. С. 126—127; Оскоцкий В.Д. Связь времен (историческая тема в многонациональной советской прозе наших дней). М., 1970. С. 56; Макаровская Т. В. Типы исторического повествования. Саратов, 1972. С. 58;

В словенском литературоведении попытка типологического подхода к жанру представлена в работах Д. Рупла, Я. Ротара, Х. Глушич, Д. Понижа, М. Хладника. Обширный пласт национальной исторической прозы они делят на две основные группы: «классический» исторический роман, осуществляющий «презентацию прошлого»¹¹, и «поэтический» исторический роман, в котором внутренняя сущность истории «универсализуется в эпической метафоре»¹², а исторические события, проецируясь на современность, «играют роль инструмента» при актуализации общечеловеческих или конкретных социально-политических проблем. Сходным образом подходят к вопросу типологии жанра Б. Докоупил и Й. Грабек, А. Допплер, А. Флейшман, Г. В. Гепперт и др.

В поисках общих оснований при выяснении вопроса о жанровой специфике, возможно, на наш взгляд, обратиться к *типу проблематики* и *характеру основного конфликта*. Исторический конфликт, возникающий внутри определенного типа проблематики, и способы его воплощения могут лечь в основу выделения нескольких разновидностей исторического романа и дадут возможность увидеть типологические схождения между идейно-художественными поисками прозаиков разных литератур. На наш взгляд, в зависимости от типа проблематики и характера исторического конфликта, трансформированного в конфликт художественный, можно в качестве ведущих типов исторического повествования в словенской литературе XX в. различать *историко-социальный*, *историко-биографический* и *историко-философский роман*. Внутри этих обобщающих жанровых понятий в соответствии с доминирующим поэтическим началом, принципами композиционного построения, особенностями типизации и образного строя существует множество разновидностей, взаимодействующих между собой.

С точки зрения заявленной жанровой типологии в словенской прозе исследуемого периода представлены все три основных типа исторической прозы. Для анализа выделены наиболее значительные произведения этого времени:

Скачков И. В. Нравственные уроки истории. М., 1984. С. 195; Варфоломеев И. П. Типологические основы жанров исторической романистики. Ташкент. 1979. С. 8—9.

¹¹ Rotar J. Vrstna inovacija v sodobnem zgodovinskem romanu // Sodobnost. 1984. № 4. S. 428.

¹² Poniž D. Tipologija slovenačkog posleratnog romana // Književni rodovi i vrste — teorija i historija II. Beograd, 1989. S. 86.

1. *Историко-социальный* роман, где социально-аналитическое начало становится главным инструментом преломления общественных коллизий исторического прошлого. Этот подход нашел отражение в тесно связанном с национальной реалистической традицией романе И. Тавчара «Хроника усадьбы Высокое» (впоследствии лишь некоторые черты этого типа исторического романа сохранятся в исторической прозе 1970-80-х годов).

2. *Историко-биографическое* произведение, возникающее на стыке биографической и исторической прозы, в котором художественное воссоздание судьбы исторической личности происходит при обязательном исследовании характерных черт эпохи, эту личность сформировавшей. Такова книга И. Ваште «Роман о Прешерне» (в дальнейшем эта разновидность проявит себя как одна из наиболее продуктивных).

3. *Историко-философский* роман, осмысляющий историю как источник не только социального и нравственного, но и духовного опыта, акцентирующий внимание на всеобщем, на том, что вопреки временным рамкам сближает людей разных эпох, представлен интеллектуальным романом-предупреждением В. Бартола «Аламут», в котором история метафорически связана с современностью (взгляд на исторический процесс через диалог прошлого и настоящего будет активно использован словенскими прозаиками в 1970—1990-е гг.).

Вторая глава диссертации «Особенности формирования словенского исторического романа. Генеалогия жанра» посвящена исследованию становления словенского исторического романа, его формированию и развитию. В литературе славянских народов, боровшихся за независимость, «вся жизнь которых протекала в атмосфере национального самоутверждения»¹³, интерес к историческим жанрам пробуждается тогда, когда подъем национально-патриотических чувств, вызванных идеей национальной солидарности, становится одной из движущих сил общественной жизни. В словенском обществе интенсивный процесс формирования национального самосознания совпал с периодом романтизма. Ведущим стало воплощение идеи национального единения

¹³ Никольский С. В. Введение. Литература 50-х—80-х годов XIX века // История литератур западных и южных славян. М., 1997. Т. II. С. 364.

через воспевание национального прошлого и акцентирование внимания на ключевых этапах рождения нации.

Знакомство словенцев с оригинальной исторической прозой произошло в канун так называемой вальтерскоттовской лихорадки, именно вальтерскоттовская модель исторического романа, восходившая к приключенческой (Д. Дефо, Г. Филдинг, Т. Смоллет) и складывавшаяся одновременно с «готической» (А. Радклиф, Э. Т. А. Гофман, Ч. Р. Метьюрин) традицией, привлекла внимание словенских авторов. Приблизительно в середине XIX в. они начинают массово осваивать жанр исторической повести, которая сохранит за собой лидирующие позиции до конца столетия. По мере усиления в литературе реалистических тенденций происходит постепенная трансформация исторической повести романтического типа в реалистическое повествование, отличающееся углубленным анализом социальных отношений и освоением психологизма. При этом длительное сосуществование романтических и реалистических форм, переплетение романтических и реалистических тенденций, характерное для словенской литературы второй половины XIX в., привело к тому, что отдельные черты романтизма будут наблюдаться в исторической повести вплоть до конца века. В оригинальной форме исторический роман благодаря Й. Юрчичу заявит о себе в период становления реализма в 1870-е годы, практически одновременно с романами современной тематики Й. Стритара и Я. Керсника.

Первые попытки создания оригинальной прозы на словенском языке, в духе Вальтера Скотта повествующей об исторических характерах и обстоятельствах, относятся к середине 1830-х годов. В 1836 г. выходит в свет «повесть в стихах» Ф. Прешерна — лиро-эпическая романтическая поэма «Крещение у Савицы», сюжет которой прямо апеллирует к национальной истории. Через десять лет появляется первая историческая повесть Ф. Малавашича «Эразм из Ямь». После 1848 г. благодаря В. Мандельцу, Я. Трдине, Ф. Кочевару, Е. Должану, П. Огринцу и др. историческая тема становится ведущей в словенской прозе. Литераторов привлекала возможность на красочном, часто приключенческом материале, в небольшом по объему произведении нравоучительно рассказать о «делах давно минувших дней». Нарастающее осознание самобытности и единства нации, проявляющееся на историческом, языковом, этнокультурном уровнях, делало историческую тему особенно привлекательной, позволяло искать аналогии с современностью.

Большинство авторов 1850-60-х гг. проявило интерес к эпохе Средневековья, их внимание было сосредоточено на трех тематических узлах этого отрезка прошлого: деятельности графов Цельских по объединению словенских земель, турецких набегах и крестьянских восстаниях XV—XVI вв. Отдельные сюжеты и герои их произведений приобрели впоследствии архетипические черты, т. е. были реализованы как исторически сложившиеся общепринятые образы, прочно зафиксировавшиеся в народном и художественном сознании (например, Герман Цельский, Вероника Десеницкая). При этом в данный период прозаики невольно попадают под влияние европейской «готической» традиции, используя многие составляющие, присущие «готическим» текстам. К таковым можно отнести время действия (средние века), место действия (замок), мотивы, заимствованные из рыцарских романов (идеальный герой, сражающийся с врагами, разгадывание тайны, похищение, мщение, фабульную схему: разлука — поиск — обретение и др.).

Истинным «отцом» и популяризатором исторической прозы в Словении считается автор первого словенского романа «Десятый брат» (1866) Й. Юрчич (1844-1881). Следуя за Вальтером Скоттом, он попытался «приспособить» классическую форму исторического романа к своим мировоззренческим позициям, не лишив ее при этом художественной привлекательности. Он смело расширяет тематический диапазон, первым в прозе обратившись к такому важнейшему этапу национальной истории, как Реформация, а потом и вообще выходит за рамки узконационального прошлого: в неоконченном романе «Славянский праведник и учитель» писатель проявил интерес к теме заселения Балкан славянами и их последующей христианизации. В дальнейшем эти два тематических направления окажутся для словенской исторической прозы весьма продуктивными. Перу Юрчича принадлежит и первый словенский исторический роман «Иван Эразм Таттенбах» (1873), повествующий о словенском «эхе» антигабсбургского заговора второй половины XVII в., завершившегося трагически.

Вслед за Юрчичем в последующие сорок лет традицию национальной исторической прозы с успехом развивали А. Царли (1846-1891), И. Тавчар, А. Кодер (1851-1918), Ф. Детела (1850-1926), М. Плетиершник (1840-1923), Ф. Финжгар (1871-1962), М. Маловрх (1861-1922), Ф. К. Мешко (1874-1964), И. Лах (1881-1938), Р. Мурник (1870-1932), И. Шорли (1877-1958), Ф. Говекар, И. Прегель. Опираясь на события отечественной истории, воссоздавая

местный колорит и историко-культурную атмосферу, эти авторы через национально окрашенный, нередко легендарный материал, стремились, каждый на своем уровне, отразить своеобразие национального характера на определенном отрезке исторического времени и, насколько это было возможно, соотнести историю и современность. В их творчестве на первый план выдвигается эτικο-религиозный аспект, связанный с эпохой Реформации. Тематический диапазон расширился также за счет инациональных мотивов. Наиболее репрезентативны здесь романы об античной истории А. Царли и М. Плелершника. В них интерес и вкус к этнографическим деталям сочетается с постановкой этических и историософских проблем (добро и зло, тирания, христианская вера и т. д.).

Таким образом, во второй половине XIX в. в словенской прозе происходит становление жанра исторического романа, определяются его основные тематические направления. Его генезис, в силу лежащей в основе повествования исторической доминанты, восходит к разновременным пластам литературы и культуры и связан с освоением литературой национально-исторического своеобразия. Тематическое начало является эволюционной переменной и на стадии предыстории, и на этапе формирования и развития жанра. Будучи гетерогенной жанровой формой, словенский роман XIX в. опирается в первую очередь на вальтерскоттовскую традицию и национально окрашенный исторический материал. Важнейшими его функциями в этот период являются национально-патриотическая и дидактическая.

В **третьей главе** «Словенская историческая проза 1920-х гг. Историко-социальный роман И.Тавчара «Хроника усадьбы Высокое»» в рамках историко-литературного контекста отражено состояние словенского исторического романа в 1920-е гг., рассмотрены произведения И.Прегеля и Ф.Бевка, подробно проанализирован историко-социальный роман И.Тавчара «Хроника усадьбы Высокое».

В период затишья между двумя мировыми войнами традиция национальной исторической прозы упрочилась. Этому способствовали как политические, так и литературные факторы. Повышение интереса к национальной проблематике было в определенной степени вызвано обстановкой внутри страны и общества, где в атмосфере идейных и эстетических споров формировались новые художественные направления, «переплавлилась» поэтика целых жанров. Одним из первых испытание на прочность прошел в это время исторический роман. В 1920-е годы он вошел в стадию тематического

расширения, накопления и трансформации исторического как эстетического аналога социокультурного и социопсихологического восприятия прошлого и показал себя, как один из наиболее новаторских, интенсивно развивающихся, типологически продуктивных. В этот период словенская литература развивалась в сложной и противоречивой атмосфере мировоззренческих поисков внутри общеевропейского, общеславянского и югославянского литературного контекста. С одной стороны, влиятельные католические круги, выступая со своей идеологической программой, пропагандировали идею крестьянской самобытности и мессианской роли народа в осуществлении экуменистических замыслов, приобретших в это время в Словении большую популярность. С другой – активизировалось распространение марксистских учений и идей экзистенциализма. Существенное воздействие на литературную ситуацию продолжают оказывать традиции модерна – течения, достигшего расцвета в предыдущую литературную эпоху, в основе которого сложное переплетение элементов импрессионизма, символизма и реализма, начинают завоевывать позиции, внедряться в художественное сознание и авангардные тенденции, в частности эстетика экспрессионизма. Экспрессионистские тенденции оказали принципиальное влияние на творчество авторов межвоенного периода и на все дальнейшее развитие словенской литературы. С ними, как отмечала критика конца 1930-х гг., связана в национальной литературе «революция поэтической формы»¹⁴ и становление «метафизического нового реализма»¹⁵. Однако несмотря на такую популярность поэтики авангарда, позиции реализма в словенской литературе отнюдь не пошатнулись, хотя, конечно, он уже не представлял из себя монолитной, единой школы – писатели, считавшие себя реалистами, часто находились на диаметрально противоположных позициях идеологического спектра, усваивая многие стилевые приемы авангарда.

В 1920-е гг. наиболее полно и последовательно связь с традицией национального реализма нашла воплощение в творчестве одного из ведущих прозаиков конца XIX — начала XX в., видного политического и общественного деятеля, лидера радикального крыла

¹⁴ Цит. по: История литератур западных и южных славян. Т.3. М., 2001. С.656.

¹⁵ Vodnik F. Ideja in kvaliteta (izbor razprav). Ljubljana, 1964. S.54.

либеральной (национально-прогрессивной) партии Ивана Тавчара. Своим лучшим историческим романом «Хроника усадьбы Высокое» он открывает новый этап биографии жанра в словенской прозе. В нем Тавчар, соединив историю и нравы, рисует частную жизнь и судьбу как выражение и воплощение национальной истории – нравственной и социальной, с документальной точностью воссоздавая эпоху Контрреформации второй половины XVII века.

Обратившись к жанру исторической художественной хроники, прозаик исследовал важнейший этап становления словенского национального характера, формировавшегося в атмосфере феодального господства колонизаторов и конфессиональных противоречий, и выявил такие важные его составляющие, как патриархальность, терпение, умение выживать при любых обстоятельствах. В этом литературном жанре у писателя не было предшественников — никто в словенской литературе до Тавчара не пытался, имитируя мемуарные документы, рассказать историю семьи, рода, места на протяжении целой человеческой жизни. Изидор Каллан, вымышленный повествователь-хронист, от лица которого ведется рассказ, — фигура для классической европейской хроники нетипичная, это не монах-летописец и не знатный феодал, а простой крестьянин, обученный грамоте. Он записывает историю своей жизни в назидание потомкам, фактически это исповедь перед Богом и людьми, а не собственно последовательная дневниковая фиксация важнейших событий. Поэтому в качестве основного критерия отбора эпизодов использован фактор участия в них повествователя — он фиксирует то, чему был непосредственным свидетелем. Исключение здесь составляют несколько реминисценций в более отдаленное прошлое (1631, 1645, 1648 гг.), где речь идет о военных подвигах отца рассказчика. Записки датированы 1695 г. и снабжены припиской сына хрониста Георгиуса Постумуса, из которой следует, что отец его умер 20 декабря 1710 г., прожив сорок шесть лет. Историческое время, охваченное в романе, — период с 1631 по 1716 г., — включает в себя предысторию отца героя и судьбу семьи и усадьбы после смерти повествователя.

Автор «Хроники...» одним из первых в словенской литературе, попытался связать особенности внутреннего мира и психологии своих земляков с их исторической и социальной судьбой, с той чередой потерь, компромиссов, упорного сопротивления внешней экспансии, которая сопровождала словенский народ на всем протяжении его существования. Историческая действительность в изображении Тавчара сурова, а иногда и

просто неприглядна. Вместе с тем одной из главных идей «Хроники...» оказывается обретение личностью самоуважения через осознание осмысленности самой человеческой жизни, которая, по мнению писателя, социально и религиозно детерминирована.

Реалии, быт, обряды, стиль изложения, нарочитую архаичность языка – все автор подчиняет раскрытию своего понимания мировоззрения человека того периода истории, когда религиозная догма из нравственной жизненной опоры становилась диктатом. Художественная семантика обыденного и «археологический» элемент делаются составляющими исторического колорита эпохи и природы противоречия, лежащего в основе романа, – поисков путей выхода из той логики самоуничтожения, социальной зависимости и религиозной вражды, которая в тот период в словенском обществе едва ли не господствовала над созидательными тенденциями.

Создавая эстетически завершенный образ, Тавчар первым в словенской исторической прозе через «психологизацию» и «субъективизацию» прошлого обращается к темам «человек и земля», «человек и религия», видя в них главные предпосылки формирования черт национального характера. Страх потерять землю, преследовавший словенца на протяжении веков, по мысли прозаика, не мог не повлиять на его психику, систему жизненных ценностей, самооценку, самоидентификацию, равно как и религиозный фактор, с помощью которого регулировались этические отношения в обществе. Речь идет о религиозной и социальной составляющих национальной идентичности, о том, как христианская этика была реализована в конкретной геополитической, формационной, языковой среде.

Исследуя генезис драматических противоречий, разрывавших общество и человеческое сознание, через анализ их зарождения и развития, автор романа главное внимание уделяет этическому смыслу и психологическому резонансу тех нравственных уроков, которые вытекают из социального анализа прошлого. Историко-социальный роман Тавчара стал связующим звеном между национальной исторической прозой вальтерскоттовского типа (Юрчич) и социальной литературой 1930-х годов, пронизанной социально-критическим пафосом.

По-иному увидел национальное прошлое католический драматург и прозаик Иван Прегель, в произведениях которого нашел воплощение один из центральных мотивов мировой литературы: внутренние борения человека в связи с трудноразрешимым противоречием между духовным и телесным, реализованный

автором на национальном историческом материале. Герои двух его романов о словенских священниках – католическом XV в. (толминский викарий Янез Потребуж из романа «Plebanus Joannes») и протестантском XVII в. (проповедник Ерней Кнафель из романа «Проповедник Ерней») переживают психологический конфликт, вызванный расхождением религиозных постулатов и плотских инстинктов, и в схватке с самими собой оказываются недалеко от поражения. Описывая человеческое существование как страсть, как фатальное столкновение сознательного и бессознательного, Прегель подчеркивает его мистические, не поддающиеся объяснению составляющие.

Наиболее полно тема трагического прошлого словенского народа отражена в романе «Толминцы» (в первой редакции 1915-16 гг. «Тлачани»), где с эпическим размахом и документализмом представлена картина крестьянского бунта 1713 г. в городе Толмин на западе Словении. В романе история массового бунта крестьян, выступавших против местного феодала, проецируется автором на библейский сюжет. Во главе восставших стоят двенадцать «йогров» (от нем. Jünger – ученик, последователь) - апостолов «толминской правды», которые «получили наставления от первых учеников Христа». Среди них есть и свой Иуда, из-за его предательства большинство бунтарей будет схвачено и примет мученическую смерть. Жители Толмина и его окрестностей представлены в произведении как заложники двухвековой усобицы землевладельцев и духовенства, в ходе которой они обрели статус мучеников, страдающих «по воле Божьей». Идея жертвенности и мессианства «малого» народа видится автору как неотъемлемая часть национального самосознания. В перипетиях исторической судьбы жителей крошечного региона (Толмин – модель Словении) прозаик ищет подтверждения для двух своих главных выводов: об априорной несправедливости общественного устройства любой эпохи и о бессмысленности любого сопротивления.

Другой подход к родной истории обнаруживает представитель следующего литературного поколения, крупнейший прозаик и драматург, политический и общественный деятель Франце Бевк (1890-1970). Уроженец Словенского Приморья, Бевк большую часть своей исторической прозы написал в годы итальянской оккупации родного края, в условиях жестокого инационального прессинга и прямой угрозы ассимиляции словенцев на этой территории. Обращение к историческому прошлому

родного народа на материале истории «малой родины» стало для писателя средством протеста и возможностью завуалировано говорить о том, о чем нельзя было сказать открыто: центральной для его произведений является патриотическая идея. Это нашло отражение в историко-социальном романе-эпосе «Небесные знамения» (1927-1929). Его действие относится к первой половине XIV века, когда распри горицких графов и аквилейских патриархов, эпидемии чумы, стихийные бедствия охватили словенские земли. Продолжением трилогии стал созданный в 1930 году роман «Человек против человека», повествующий о заговоре против патриарха Бертранда, его убийстве и жестокой расправе нового патриарха Николая с заговорщиками. Соединяя хроникальные сведения и вымысел, Бевк создает многообразную, насыщенную драматизмом картину жизни бурной и жестокой эпохи, пытаясь адекватно отразить ее социальную структуру – взаимоотношения между сословиями. Наряду с подлинными историческими лицами – патриархами, знатными рыцарями, инквизиторами – в трилогии присутствуют вымышленные персонажи – простые крестьяне, на которых обрушиваются все тяготы угнетения, войн и бедствий. Именно эти герои являются носителями идейной концепции автора, выразителями свободлюбивых устремлений, мужества и человеческого достоинства. Это в первую очередь сыновья и внуки главной героини романа-эпопеи матери Агаты. И хотя почти все они трагически гибнут в неравной борьбе или умирают от чумы в финале, конец трилогии оптимистичен: в живых остаются внуки Агаты Живка и Флориан, они продолжат словенский род.

Писатель сознательно соотносит историю и современность, поэтому многие исторические события приобретают символический смысл, концентрируя в себе ужасы насилия над людьми и человеческих страданий, напрямую ассоциирующихся с положением словенцев в Приморье в 1920-30 годы. При этом в национальном прошлом он находит не только аналогии с современностью, но и саму предысторию настоящего. По его мысли, текущие политические события в конечном итоге являются результатом всей предыдущей исторической судьбы словенского народа, забыв прошлое, он не сможет бороться за будущее.

Представленный в исторических романах Тавчара социальный, Прегеля религиозно-психологический и Бевка национально-патриотический взгляд на словенскую историю

связан не только с мировоззрением и политическими пристрастиями самих авторов, но и с тем, в каком направлении шло в целом развитие прозаических жанров после Первой мировой войны – в сторону углубления социальной проблематики и психологизма.

Четвертая глава диссертации «Словенская историческая проза 1930-х гг.», состоящая из двух частей, дает представление о состоянии и специфике развития исторического романа в Словении в 1930-е гг. На рубеже 1920-30-х гг. в словенской литературной жизни происходят существенные изменения, приведшие к перестройке художественной системы, трансформации в соотношении родов и жанров. Центр тяжести перемещается с поэтического творчества на прозу, экспрессионизм уступает место реалистическому направлению, которое в 1930-е гг. занимает в литературном процессе ведущее место, становится «главным словом в словенской эстетике»¹⁶. Реализм восстанавливает в значительной степени прерванные связи с реалистической литературой предшествующих эпох, расширяет круг знакомства с литературами других стран. В существующих литературных группировках усиливается идейная дифференциация – демократически настроенная интеллигенция осознает необходимость объединения усилий против опасности фашизации страны. Это приводит к идейной переориентации, «полевлению» ряда периодических изданий и даже расколу в некоторых из них.

В начале 1930-х гг. на авансцену выходит новое направление – социальный реализм, представленный творчеством ряда прозаиков левой ориентации, среди которых были Прежихов Воранц (1893-1950), М. Кранец (1908-1983), И. Потрч (1913-1993), Ц. Космач (1910-1980), А. Инголич (1905-1992). Основную задачу они видели в объективном изображении тех процессов действительности, которые подвели массы к осознанию возможности ее революционного изменения. Это определило тип их художественного мышления и творчества. Основным жанром прозы становится общественный роман, представленный двумя типологическими разновидностями. Для первого типа – социально-политического или «коллективного» было характерно изображение революционной трансформации сознания социального коллектива

¹⁶ Zadravec F. Realistična estetika po ekspresionizmu v Sloveniji // Slavistična revija. Ljubljana. 1972. №3. S.270.

(произведения Прежихова Воранца), для второго – социально-психологического – глубокое и всестороннее раскрытие индивидуального сознания (проза М. Краньца).

Наряду с романами социальных реалистов беспорным подтверждением художественной зрелости словенской прозы, ее движения в ногу с европейскими литературными тенденциями становится в 1930-е гг. исторический роман, а точнее две его новые жанровые модификации: историко-биографическая и историко-философская. Усиление в прозе межвоенного периода психологической компоненты способствует расширению проблемно-тематического спектра, внимание прозаиков, работающих с историческим материалом, концентрируется на роли личности в национальной и мировой истории. На волне расцвета европейской исторической биографии (С. Цвейг, Р. Роллан, Д. С. Мережковский, А. Моруа, Ю. Тынянов и др.) в словенскую литературу входит историко-биографический жанр, обогативший художественную палитру национальной литературы новыми типами композиционно-стилистических единств. В это время главным лицом словенской исторической биографии становится крупнейший национальный поэт первой половины XIX в. Франце Прешерн: почти одновременно в свет выходят «Роман о Прешерне» И. Ваште и «Нетленное сердце» А. Слодняка.

В первой части четвертой главы «Историческая биография. Драма поэта в “Романе о Прешерне” И. Ваште» после освещения общих тенденций развития романа в 1930-е годы представлен анализ художественной биографии Прешерна.

«Роман о Прешерне», как отмечают словенские литературоведы, — произведение, заложившее основы исторической художественной биографии в словенской литературе¹⁷. Его появление во многом было вызвано тем, что в 1930-е годы в словенском обществе усиливается интерес к проблемам национальной идентичности, а также несомненными успехами ученых-прешерноведов. К этому времени словенское прешерноведение имело в своем распоряжении значительный литературно-критический и мемуарный материал: статьи и записи Ф. Л. Челаковского, М. Чопа, Й. Бабника, Ф. Малавашича, Я. Блейвейса, В. Рицци, Я. Трдины, воспоминания сестры поэта Ленки и дочери Эрнестины Еловшек, его современницы Л. Песьяк, исследования и монографии И. Приятеля «Драма духовной

¹⁷ Lah I. Pregled književnosti. Ljubljana, 1996. S. 43.

жизни Прешерна» (1905), А. Жигона «Франце Прешерн, поэт и художник» (1925), Ф. Кидрича «Прешерн» (1936).

В романе Ваште жизнь и творчество героя рассматриваются в совокупности и без нарочитой идеализации, в нем органично соединены историко-документальное и авторское начало, литературный портрет выдающейся личности дается через призму ее субъективного восприятия, синтез душевной жизни и фактов биографии реального лица «подпитан» индивидуальным творческим «я» автора. Главный упор делается на психологическое раскрытие личности, сформированной конкретной эпохой, на ту соразмерность этой личности эпохе, которая «дает нам основание предположить, что в характер подобного рода как бы сама природа внесла типические черты времени»¹⁸. Прешерн показан как носитель важнейших черт целого культурного поколения — плеяды деятелей словенского национального возрождения (Цойс, Водник, Чоп, Блейвейс), объединенных не столько общностью судьбы, сколько исторически обусловленным совпадением этапов личного роста.

Автор пытается воспроизвести духовную жизнь поэта, творчество которого оказало воздействие на всю дальнейшую эволюцию национальной литературы, вышло за узко национальные рамки, обогатив славянскую и — шире — европейскую поэзию, определило не только все дальнейшее развитие национальной литературы, но и путь нации в целом. Поворотные события жизни поэта даются в романе через осязаемую конкретность описываемых лиц, происшествий, эпизодов, мест действия. Сохранена топонимика Любляны первой половины XIX в., старые названия улиц (Слоновья, Еврейская, улица Монахинь), трактиров («Пекло», «У Блажа», «У Метки»), мостов. Динамичность повествования создается благодаря двунаправленности сюжетных векторов. Один из них — центробежный — ведет повествование вширь, появляются новые персонажи: российский император Александр I, канцлер Меттерних, ученый-филолог Е. Копитар, поэт А. Грюн, художник М. Лангус, общественный деятель Я. Блейвейс, полицейский осведомитель Кремницер и др. Это дает возможность воссоздать атмосферу жизни Любляны, показать масштаб, которым будет измеряться стремительный духовный рост поэта. Второй вектор — центростремительный, он направлен только на главного героя, на его внутренний мир, на

¹⁸ Bohanec F. Biografsko berilo (o književnikah od Trubarja do Snoja). Ljubljana. 1974. S.81.

столкновение «данного и желанного», на изломе которого развивалось его творчество. Прозаическая повседневность и творческий дар, спасительно обеспечивающий чувство целостности личности, — таким в романе Ваште предстает Прешерн.

Писательница располагает цепочку событий в хронологическом порядке, двигаясь вместе со своим героем от эпизода к эпизоду, от события к событию, вводит в сюжет широкий историко-культурный контекст. Она опирается на этот контекст, делая акцент на важнейших событиях европейской истории, свидетелем которых стал герой, на событиях, объективно оказавших влияние на его формирование: наполеоновских походах, провозглашении Иллирийских провинций, Люблянском конгрессе 1821 г., Мартовской революции 1848 г. Бытовая жизнь поэта представлена в романе как некая цепь невозполнимых утрат, к которым можно отнести как утрату иллюзий, так и реальные личные потери – ранний уход из жизни близких друзей. Воплощая художественную правду о прошлом, писательница строит свою работу во внутренней полемике с идиллическим представлением о писательских судьбах, восхищаясь великим соотечественником одновременно сострадает ему. Соединяя объективное знание с эмоциональной оценкой, она субъективизирует, лиризирует образ художника, благодаря чему он приобретает некоторые гипотетические черты. Ее ощущение времени основано на осмыслении противоречий личности и эпохи, но масштаб героя, роль его творчества для нации в целом Ваште оценивает через перспективу современности, с позиций человека XX в.

«Роман о Прешерне» — добротное произведение, достойно открывающее первую страницу в истории одного из самых продуктивных типов словенской исторической прозы и доказывающее, что в национальной словесности жанр развивался в русле ведущего литературного направления межвоенного периода — реализма, модернизированного открытиями психологической прозы.

Во второй части четвертой главы «Универсальное и национальное в историко-философском романе В.Бартола “Аламут”» рассматривается произведение, внесшее существенный вклад в обновление жанровой поэтики исторического романа. Внимание словенца В.Бартола, написавшего новаторский, получивший международное признание роман «Аламут», привлекли события мировой истории восьмисотлетней

давности, последствия которых не просто повлияли на всю дальнейшую биографию человечества, но остаются актуальными и в XXI веке – это история зарождения мирового политического терроризма, у истоков которого стояла шиитская секта исмаилитов.

«Аламут», в переводе с фарси «орлиное гнездо» - средневековая крепость, расположенная на южном побережье Каспия, где на базе шиитской секты исмаилитов была на рубеже XI-XII веков создана первая школа профессиональных наемных убийц-смертников. Именно о ней упоминает в своей «Книге» (1298 г.) итальянский путешественник Марко Поло. Ставший в 1090 г. наместником крепости Хасан ибн Саббах или Сейдуна объявил себя не только идейным лидером последователей Исмаила, но и его живым пророком на земле. Став во главе одной из двух мощнейших исламских сект, он разработал и воплотил в жизнь систему психологического манипулирования своими духовными детьми, которые, беспрекословно подчиняясь Учителю, несли смерть его врагам (за короткое время от кинжалов учеников Саббаха погибли восемь «первых лиц» империи сельджуков, в том числе три багдадских халифа и сам ее глава Мелик-шах) . Чтобы эффективность исполнителя - ассасина - была стопроцентной, чтобы он недрогнувшей рукой совершал убийство, не опасаясь за свое дальнейшее будущее, уверенный, что за «праведный» поступок попадет в рай, ему еще в процессе подготовки к акции этот рай «показывали». Одурманенного наркотиками молодого человека (в школу вербовали молодых, физически сильных юношей из хороших семей и учили их не только искусству убивать, но и военной науке, основам философии, риторике, языкам, придворному этикету, - словом, всему, что могло бы пригодиться на пути к достижению цели) переносили во внутренний двор крепости, где, на основании довольно скупого описания, даваемого Кораном, были «организованы» райские кущи: били фонтаны, цвели сады, бродили дикие ручные звери, обитали прелестные «гурии», которые своим искусством действовали на «избранника Аллаха» еще сильнее, чем гашиш. После их «уроков» ассасин, выполнив миссию, без колебаний шел на смерть, уверенный, что пропуск в рай у него уже в кармане. Таковы исторические факты, взятые автором за основу.

Фактически, Бартол одним из первых в европейской литературе обратился к абсолютно вневременному, универсальному по своему философскому и этическому наполнению материалу, ставшему благодаря общественно-политическим катаклизмам первой половины XX века необычайно актуальным. Используя античные и европейские философские концепции и учения (материализм, идеализм, релятивизм, субъективизм, нигилизм), через цитаты, парафразы, аллюзии, прямой пересказ писатель ввел в произведение обширный, можно сказать, энциклопедический философский контекст. Его герой, средневековый иранец, оперирует понятиями и категориями, сформулированными, главным образом, мыслителями последующих столетий - Декартом, Макиавелли, Ницше, Фрейдом.

Психологическое ядро романа — анализ возникновения и развития религиозного фанатизма, нравственно-философское — проблема правды и лжи, как во имя высшей идеи, так и ради обретения власти. Автор опирается, с одной стороны, на Коран как основу устава низаритов, с другой — на идеи Фридриха Ницше и его «философию жизни», ограничивающую разумное познание абсолютизацией иррациональных факторов, на его «волю к власти», представляющую собой ненасытное стремление к господству, и культ «сверхчеловека». Для писателя принципиально важны две идеи Ницше — релятивистская, основанная на относительности и исторической обусловленности всех ценностей, и мессианская, связанная с возможностью воплощения высшего типа человеческого идеала. Нет ценностей вечных, неизменных, нет морали, нет разделения на добро и зло, а есть лишь представление о природной целесообразности. «Ничто не истинно — все позволено», — это высказывание Ницше служит эпиграфом ко всему произведению. Центральная фигура «Аламута» — исламский философ и вождь религиозных фанатиков-ассасинов Ибн Саббах воплощает в романе известную гипотезу о том, что идеи Ницше — много старше его самого. Исследуя механизм захвата власти и его неперенные атрибуты (управление массовым сознанием, развитие культа личности, расправа с политическими противниками и т.д.), Бартол обращает внимание на универсальный «вневременной» характер этого явления. «Аламут» — это вполне аутентичная картина конкретного этапа существования секты исмаилитов, где точны даты и события и дан широкий историко-культурный фон изображаемой эпохи и в то же время в романе дается прямая аналогия с современным автору временем.

С приходом к власти фашизма в европейской исторической прозе 1930-х годов усиливаются антифашистские тенденции: «Иудейская война» (1932) Л. Фейхтвангера, «Иосиф и его братья» (1933—1943) Т. Манна, «Красные щиты» (1934) Я. Ивашкевича, «Юность Генриха IV» (1935) Г. Манна — все эти произведения, тяготея к древнему и средневековому мифу, на историческом материале рассматривают проблему тоталитарной власти и ее нравственных основ в прямой ассоциации с современностью. Появление «Аламута» свидетельствует о том, что словенский исторический роман перед Второй мировой войной развивается в русле эволюции исторического жанра европейских литератур, так же как они в метафорической форме откликается на трагедию современности. В нем налицо живое сопоставление мировой истории с современными автору диктатурами XX в. С двумя из них — итальянским фашизмом и немецким нацизмом писателю пришлось столкнуться самому. Неслучайно в образе Хасана ибн Саббаха воплотились черты Муссолини и Гитлера, и в этом смысле «Аламут» можно рассматривать не только как роман-метафору, но и как роман-предостережение. Бартол находит сходство средневековой мусульманской диктатуры и тоталитарных режимов первой половины XX в. не только во внешней атрибутике, жестокости, отсутствии морали, но и в абсолютизации самой идеологии тоталитаризма в переломные моменты национальной истории. И здесь ключ к пониманию национального компонента в романе: целый ряд «всеобщих» вопросов преломляется автором через призму национальной морали. Бартол размышляет о том, какова цена сохранения жизни нации, единству и территориальной целостности которой угрожает реальное уничтожение, какой путь ей избрать: выжить, но ассимилироваться, потеряв этническую самобытность, культуру, земли, или бороться с заведомо сильнейшим противником с помощью хитрости и предательства и какова здесь и какова здесь роль религии.

Первый словенский интеллектуальный роман, синтезирующий черты романа исторического, философского, психологического, приключенческого, в чем-то предвосхитивший прозу У. Эко с его соединением элитарности и масскультуры отличается одной из тех новых черт искусства, которую привнес в него XX век — тяготением к существенному, вторжением в художественную культуру философских и психологических концепций, соприкосновением искусства со всей сферой гуманитарного знания. В лице его автора словенская литература получила тот особый

тип писателя, для которого философские размышления и художественное творчество составляет живое единство, так что философия эстетизируется, а литература пропитывается концептуальным мышлением, и в этом плане В. Бартол достоин соседствовать с В.В. Розановым, Ж.П. Сартром, Т. Манном, Г. Гессе. Последующая жизнь этого сочинения наполнила его новыми смыслами.

«Аламут» - главное доказательство того факта, что именно историко-философский роман межвоенного периода проявил себя как наиболее новаторский, тяготеющий к эксперименту тип словенской исторической прозы. Его появление подтверждает гипотезу, что философские тенденции в литературе активизируются в периоды исторических перемен. Обращение писателя к мировой, а не национальной истории при выведении формулы человеческого бытия и его универсального смысла — явление для словенской литературы знаковое. Локализуя конкретный философский и исторический материал в рамках личностного сознания, Бартол оказался среди тех европейских литераторов, кто пытается соотнести мироощущение и ментальность Средневековья с фундаментальными мировоззренческими проблемами современности и тем самым открывает перед национальной исторической прозой новые перспективы.

В пятой главе «Преемственность жанра. Исторический роман в словенской литературе второй половины XX в.» рассмотрена судьба исторического романа после 1945 г. В ней представлены его роль и место в этот период, прошедший для словенской литературы и культуры под знаком принадлежности к единому общегославскому социалистическому содружеству. 15 мая 1945 г. Югославия была целиком очищена от оккупантов, а 29 ноября провозглашена Федеративной Народной Республикой (с 1963 г. СФРЮ). Господствующей идеологией стала коммунистическая, а в качестве образца социализма была выбрана советская модель. Перелом наступил в начале 1950-х гг. после разрыва отношений между Югославией и СССР. Именно общественно-политическая ситуация, возникшая в СФРЮ после 1948 года, то есть после разрыва Тито и Сталина, определила характер литературной жизни в стране в целом и в отдельных ее республиках.

К концу 1960-х гг. в СФРЮ все острее ощущаются противоречия между декларируемыми правительством свободами и реальным типом власти. Миф о бесконфликтности общества рухнул в результате массовых студенческих выступлений

1968 г., проходивших под лозунгами защиты «истинного социализма». Они ознаменовали наступление новой эпохи открытых столкновений, влекущих за собой репрессии и новые волнения. Деятели культуры «свинцового» десятилетия (как впоследствии были названы 1970-е гг., когда в СФРЮ режим резко ужесточился), стремились освободиться от пресса господствующей идеологии и вступали в конфронтацию с властью. Внутриполитическая ситуация в СФРЮ рубежа 1970-80-х гг., обострение межнациональных и межреспубликанских противоречий, антагонизм между центром и субъектами федерации не могли не вызвать реакции со стороны творческой интеллигенции. Существенную роль в поддержании в обществе внимания к национальной идее, культурным традициям и историческому наследию сыграл в это время исторический роман.

В последнее десятилетие правления Тито он становится одной из форм альтернативного миропонимания, а иногда и легального инакомыслия, говорит о наболевшем языке истории. За десятилетие с небольшим — с 1968 по 1982 г. — в республике было опубликовано свыше тридцати исторических произведений. Их авторы обнаруживали исторические связи словенцев не только с народами Балкан, а и других частей Европы, что объяснимо: на протяжении веков Словения входила в состав центральноевропейского государства — Габсбургской монархии. Изменился угол зрения: теперь большинство прозаиков в первую очередь интересуется то, как национальная история соотносится с современностью, как преломляется в настоящем. Этот интерес объединил писателей, принадлежащих к разным поколениям и художественным школам: романы классика социального реализма А. Инголича (1907—1992) «Прародители» (1975) и «Горели костры» (1977) соседствуют с романами более молодых и модернистски ориентированных В. Кавчича (род. 1932) «Пустота» (1976), А. Хинга (1925—2001) «Чародей» (1976), С. Вуги (род. 1930) «Эразм Предьямский» (1978), Д. Янчара (род. 1948) «Галерник» (1978) и др.

В жанровом плане историческая проза 1970-80-х годов, продолжая национально-патриотические традиции литературы межвоенного периода, обладает собственной спецификой: писатели, опираясь на опыт литераторов 1920-30-х гг., развивают и модернизируют историко-биографический и историко-философский роман. Остается востребованной и «классическая», близкая вальтерскоттовской модель, однако как самостоятельный жанр почти полностью исчезает роман историко-социальный.

Фактически его место занимает «новый» исторический роман, синтезирующий черты романа о прошлом разных типов и романа о современности, в котором минувшее напрямую сопрягается с сегодняшним днем.

Традицию исторической прозы биографического направления, обращенной к судьбам деятелей культуры и искусства, успешно продолжают М. Маленшек (род.1919) в романах о композиторе XVI в. Якобе Галлусе «Послушай, земля!» (1968), о поэтах словенского модерна Драготине Кетте (1876—1899) и Йосипе Мурне-Александрове (1879—1901) — «Поющие лебеди» (1970—1971), о Франце Прешерне «Ноктюрн поэта» (1992), А. Слодняк (1899-1983) в книге, посвященной И. Цанкару «Чужой» (1976), и другие авторы.

Словенский модерн возник как стихийный протест молодых талантливых поэтов против культурной отсталости Словении и как реакция на влияние клерикализма и клерикальной литературы на общественное сознание. Он имел много общего с аналогичными явлениями рубежа веков в тех странах Европы, где существовало национальное притеснение. Поэзия модерна несла в себе новое миропонимание, обращалась к чувствам современника, обогащала поэтический язык и, что, вероятно, самое важное, определила весь последующий ход развития национальной литературы. В глазах прозаиков 1970-х словенский модерн ассоциировался с первой в истории национальной литературы попыткой эстетического протеста, предпринятой поэтами рубежа веков. В романах Маленшек и Слодняка так же, как в книге Ваште, фигура национального поэта — знаковая, это «герой времени», формирующий «культурный слой» словенского общества и определяющий национальные приоритеты.

Предлагая свою версию жизни и творчества Драготина Кетте, Маленшек прежде всего исследует его художественную лабораторию, используя не хронологический, а ассоциативно-медитативный принцип подачи материала. Смертельно больной двадцатитрехлетний поэт, находясь то в сознании, то в забытии, вновь переживает наиболее яркие впечатления прожитой жизни, как бы воспроизводя былые ощущения. Герой находится в особом, воображаемом мире, питаемом поэзией Пушкина, Мицкевича, Лермонтова, Кольцова. Бережно включая в текст немногочисленные документальные свидетельства (несколько писем, черновики, гимназический аттестат), писательница дополняет книгу вымышленными дневниковыми записями поэта.

Вторая часть дилогии, посвященная Йосипу Мурну, написана по-другому, его биография представлена через призму личной трагедии. Особенности происхождения героя (рожден вне брака, не знал родительской ласки, всю жизнь нес на себе печать отверженности) подтолкнули автора к иному повествовательному приему. Ассоциативное перетекание одного эпизода в другой сменяется здесь чередованием глав, каждая из которых рассказывает о конкретном отрезке жизни поэта. Особое внимание уделено университетским годам, когда происходило формирование личности и творца. Детальная разработанность фона, на котором развивается действие (пейзаж, среда, исторические детали), способствует воссозданию зримого, «вещественного» представления о времени с его мелочами повседневности, привычками, особенностями кухни и костюма.

Современники не оценили творчества Кетте и Мурна по достоинству. Признание пришло к ним лишь после смерти. Маленьек подходит к своим героям с позиции этого позднейшего понимания художественного масштаба и значимости их поэзии для словенской литературы в целом.

Эстафета интеллектуальной прозы В.Бартола была подхвачена Д.Янчаром: в историко-философском романе «Галерник» он на материале истории Европы XVII в. обращается к вневременным, универсальным вопросам преодоления личностью духовного кризиса, к истории взаимоотношений личности и эпохи. Действие романа происходит в разгар гонений инквизиции второй половины XVII в. на габсбургских и германских землях. Это было жестокое время для Европы, его атмосфера диктует автору сдержанную манеру повествования и обуславливает мрачную метафоричность произведения. Автор исследует эпоху ересей, религиозного фанатизма, судов инквизиции, чумных эпидемий — «чумную» эпоху — и отмеченную сатаной, бесовскую, «чумную» судьбу главного героя Йохана Отта, мечущегося в поисках возможности противостоять злу и безумию своего времени. Его судьба трагична, полна роковых случайностей, необъяснимых совпадений. Он проходит социальные, психологические, нравственные, физические испытания, искушение богатством и нищетой, и каждое из этих состояний вносит нечто новое в его миропонимание. Пытаясь как-то преобразить свою жизнь, противостоять злой или доброй воле провидения, человек способен изменить лишь незначительные частности, но ему не дано стать полновластным хозяином своей будущности, утверждает прозаик. Через ощущение метафизической драмы человечества, всеобщей трагичности бытия

раскрываются реальные проблемы людей, запутавшихся в исторических противоречиях. Впоследствии тема столкновения героя со временем, в котором он вынужден существовать, была продолжена Янчаром в романах «Северное сияние» (1984) и «Насмешливое вождение» (1993), «Скрежет в голове» (1998), «Катарина, павлин и иезуит» (2000).

Книга театрального режиссера и драматурга Андрея Хинга «Чародей» открывает для словенской литературы эпоху новой исторической прозы, в которой смыкаются принципиальные черты романа о современности с его подчеркнутым вниманием к личности и исторического романа. За точку отсчета своего отношения к истории Хинг принимает качественную неизменность духовной сущности человека. С течением времени меняется общественный строй, политические ориентиры, границы государств, неизменна лишь «оплодотворенная мыслью и освещенная чувством душа человеческая»¹⁹. В произведении даны две параллельно развивающиеся сюжетные линии, первая обращена к событиям почти вековой давности, вторая же посвящена проблемам современной автору Словении. Одно название объединяет два законченных художественных произведения, главы которых чередуются. Этот эксперимент Хинга положил начало появлению в словенской литературной практике различных переходных форм, разнообразных видов жанрового синтеза нескольких типов исторического романа и романа о современности.

Устойчивость и преемственность словенской исторической прозы привели к тому, что после образования независимой Республики Словении в 1991 г. исторический роман остается, как отмечает современная словенская исследовательница А. Зупан-Сосич, «главным жанром»²⁰ литературы. В новых условиях обретенного государственного суверенитета у литературы возникла потребность еще раз обосновать свой национальный статус, утвердить чувство национального достоинства, взглянув на себя как на равного среди равных в европейской истории. Писателей не перестает привлекать национальный биографический материал, дающий представление о словенцах — носителях высокой национальной, а иногда и европейской миссии (исторические биографии Т.Ковач о

¹⁹ Hieng A. Carodej. Ljubljana, 1976. S.231.

²⁰ Zupan Sosič A. Zavetje zgodbe: sodobni slovenski roman ob koncu stoletja. Ljubljana, 2003. S. 99.

Я.Блейвейсе и И.Сивца о Адаме Равбаре, под предводительством которого была одержана победа над турками в битве при Сисаке в 1595 г.).

В 1990-е годы исторический роман не остался в стороне от проблемы «выживания» литературы в условиях рынка, от общей тенденции «облегчения» и «тривиализации» литературных жанров. И ему без ощутимых потерь удалось приспособиться к новой системе товарно-денежных отношений. Свидетельство тому романы «Дочь короля» (1997) И. Шкамперле (р.1962) и «Скарабей и весталка, роман о грабителях душ» (1997) Ф. Лаиншчка (р.1959), которые объединяет прием внедрения истории и элементов жанра фэнтези в современную фабулу.

Писателям конца тысячелетия интересно то, как прошлое (и его ключевые эпизоды, и малозначительные события) преломляются в отдельной человеческой судьбе или в судьбе рода, семьи. В романе «Потухшие очаги» (1999) Б. Новак (р.1944) касается проблемы мадьяризации Словенского Прекмурья на рубеже XIX—XX вв., К. Кович (р.1931) в книге «Путь в Трент» (1994) предлагает читателю историю жизни своего дядюшки, свидетеля и участника Первой мировой войны, Я Вирк (р.1962) показывает люблянское землетрясение 14 апреля 1895 г (роман «1895, землетрясение: хроника нечаянной любви», 1995) глазами любовной пары, оказавшейся в самом центре катастрофы.

Обзор произведений, представленный в пятой главе, показывает, что возрастающий интерес к исторической прозе Словении вызван как поиском исторических корней с акцентом на важнейшие периоды мировой истории, так и выявлением исторических аналогий с современностью. Важным импульсом ее развития стал также успех у читателей. В каком-то смысле модус «массового» в национальной литературе начинает конституироваться именно в историческом жанре. При этом на протяжении почти всего столетия ощущение своей принадлежности к общеевропейской культуре, тяготение к западноевропейскому опыту совмещаются в словенской литературе с неослабевающим вниманием к национальному.

В Заключении подводятся основные итоги исследования. Исторический роман существует в словенской литературе свыше ста двадцати лет. Вместе с другими литературными жанрами он проходит этап становления реализма, постепенно приспосабливаясь к нуждам национальной словесности и расширяя свои художественные

возможности. Принципиальную роль в его развитии играет межвоенный период. Именно в эти годы в национальной прозе складываются основные типы исторического романа XX в., соотносимые с аналогичными явлениями в европейских литературах.

Анализ представленных в диссертации произведений, отобранных по принципу типологической характерности и с учетом высокого художественного уровня, дает возможность выделить ряд специфических черт, присущих словенскому историческому роману 1920-30-х гг. Это гетерогенная жанровая форма, которая как всякое относительно новое жанровое образование возникла на почве серьезного социокультурного сдвига, на пересечении взаимодействующих тенденций литературно-эстетической эволюции и внелитературных процессов развития общества и общественного сознания. Расцвет жанра был обусловлен как общественной, политической и литературной ситуацией внутри Словении, так и влиянием на нее явлений и событий, происходивших «на других литературных площадках Европы»²¹. Он по-своему запечатлел мировые потрясения, войны и революции, упования и разочарования, окрасившие весь период, с его мучительными поисками смысла истории – всеобщей и частной, жизни индивида и масс, стержня национальной идеи. Многие разработанные им жанровые стратегии входят в структуру различных модификаций исторического романа второй половины XX века. При этом романическое и историческое в структуре исторического жанра обладает не только общероманной семантикой, но и собственной, специфической. Словенский исторический роман черпает свою топику из топики жанровых модификаций и форм мышления соответствующей воссоздаваемой эпохи, избирательно актуализирует элементы уже сложившихся в литературе и только складывающихся романских структур.

Рассмотренные исторические романы последовательно подтверждают принцип саморазвития литературы, сформулированный Ю.М.Лотманом: жанр развивается, образуя несколько ведущих жанровых модификаций, сохраняющих общую жанровую природу и обнаруживающих типологическую общность творческих поисков авторов, стремящихся изобразить прошлое в его исторической сущности²². Образуя системное целое, он преобразует топику романического, определяющую своеобразие конкретных

²¹ Kmecl M. Tisoč let slovenske literature. Ljubljana, 2004. S.317.

²² Лотман М.Ю. Культура и взрыв. М., 1992. С.17

модификаций жанра. Очевидно, что в словенской литературе 1920-30-х годов исторический жанр активно продуцирует, стимулирует жанровую рефлексию, возникающую на стыке различных национальных модусов и моделей. При этом его поэтика складывается как итог поисков национальной и европейских литератур, реагирует на проблемные и структурно-стилевые коллизии мирового литературного процесса. Бережное отношение к художественным традициям исторической прозы, будет способствовать не только сохранению, но и усилению интереса к теме прошлого и ее интерпретации в XXI в. Взлеты исторического романа оказались, каждый по-своему, связаны с освоением словенской литературой национально-исторического своеобразия через изображение и восприятие реального в структуре исторического. В важные для народа моменты истории литература именно в исторических романах на высоком художественном уровне воплотила идеи национального единения, политической и социальной консолидации. В то же время писатели, работающие с историческим материалом, стремятся соотнести судьбу нации с судьбами других народов мира, а события всемирной истории — с национальным историко-культурным контекстом. Национальная история все глубже осмысливается ими и как источник конкретного социального и духовного опыта народа, и как подтверждение всеобщности связей бытия, глобального и универсального мироустройства.

Значительный потенциал словенского исторического романа обусловлен не только общественными, эстетическими или эмоциональными потребностями, но связан с его художественными ресурсами, которые отнюдь не исчерпаны. В сущности, потребность в жанре исторического романа просуществует столько, сколько будет жить цивилизация: каждый новый этап в развитии общества рождает возможность и необходимость нового освоения определенных пластов истории народа или страны, нового проникновения в ее общие закономерности, и эта потребность продиктована самим изменением уровня самосознания.

Диссертация завершается **приложением**, в котором впервые представлен полный список авторов и названий исторических новелл, повестей и романов на словенском языке, опубликованных в 1845—1940-х годах и **библиографией** использованной литературы.

Основные положения диссертации отражены в следующих печатных работах:

1. Монография Словенский исторический роман 1920-30 гг. Типология, генеалогия, поэтика. М., 2006. 192 с. (12 п.л.).

2. Раздел в коллективной монографии Словенский исторический роман в XX веке: национальное и универсальное // Итоги литературного развития в XX веке в проблемно-тематическом освещении. М., Индрик, 2006. С.216-243.

3. Раздел в Истории литературы Словенская литература // История литератур Восточной Европы после Второй мировой войны. Т.2. 1970-1980-е гг. М., Индрик, 2001. С. 388-431.

Статьи и тезисы

4. Факт и вымысел в современном историческом романе. Проблемы исторической достоверности // Творчество Иво Андрича. Миф, фольклор, история, литература. Материалы и тезисы. М., 1992. С. 66-67.

5. История и современность. Словенская историческая проза // Диалог в культуре и истории. Конференция молодых ученых. Тезисы. М., 1993. С. 50-52.

6. Своеобразие исторической прозы Андрея Хинга // Mnogoglasje. Ljubljana. 1994. № 2. S. 32-43.

7. K vprašanju tipologije zgodovinskega romana // Primerjalna književnost. Ljubljana. 2000. № 1. S. 23-34.

8. Пушкин и Прешерн – опыт исторической художественной биографии // Тезисы докладов международной конференции «Пушкин Прешерн». М., 2000. С. 37-38.

9. Поэзия Ф. Прешерна в России (конец XIX начало XX века) // Международный симпозиум «Дни Прешерна в Кране». Крань, 2000. С.365-374.

10. Поэма Прешерна «Крещение у Савицы» и словенский исторический роман. К вопросу о становлении жанра. Тезисы докладов симпозиума «Романтическая поэма». Любляна, 2000. С.51-53.

11. Феномен В. Бартола. Национальное и универсальное в романе «Аламут»// Центральная и Юго-Восточная Европа: литературные итоги XX века. Международная научная конференция 20-22 ноября 2001 г. Тезисы докладов. 2001. Институт славяноведения РАН. С. 55-56.

12. Пушкин и Прешерн – опыт исторической художественной биографии // Сборник «Ф.Прешерн – А.С.Пушкин (к 200-летию их рождения)». Любляна, 2001.С.139-148.
13. К проблеме экспрессионизма в словенской литературе // Славянский альманах 2000. М., Индрик, 2001. С. 339-348.
14. Ruski Prešeren // Prevajanje Prešerna. Prevajanje pravljic. Ljubljana, 2001.S. 82-90.
15. Франце Прешерн в кругу славянских поэтов-современников // Литература, культура и фольклор славянских народов.13 Международный съезд славистов. М., 2002. С. 139-150.
16. «Крещение у Савицы» Ф.Прешерна как историческая поэма (к вопросу о жанровой специфике) // Славянский альманах 2001. М., Индрик, 2002. С. 383-391.
17. Словенский исторический роман межвоенного периода // IV Славистические чтения памяти проф. П.А. Дмитриева и проф. Г.И. Сафронова. Материалы международной конференции. СПб, 2003. С. 148-149.
18. Поэма Ф.Прешерна «Крещение у Савицы» и исторический роман XIX века // Romantična pesnitev. Ljubljana, 2002. S. 319-338.
19. Словенский исторический роман межвоенного двадцатилетия. Национальное и универсальное. Тезисы докладов симпозиума «Словенский роман». Любляна, 2002. С.30.
20. Франце Прешерн и славянские поэты-современники и изучение его творчества в России (совместно с Ю.А.Созиной) // 13 Mednarodni slavistični kongres. Ljubljana 15.-21 avgusta 2003. Zbornik povzetkov. 2 del. Ljubljana, 2003. S.180.
21. Исторический роман Словении 1920-30-х гг. Типологический аспект // Славянский альманах 2002. М., Индрик, 2003. С. 399-406.
22. Первая мировая война в романе Прежихова Воранца «Добердоб» // Первая мировая война в литературе и культуре западных и южных славян. Тезисы международной научной конференции 25-27 ноября 2003 г. Институт славяноведения РАН. М., 2003. С. 65.
23. Феномен В. Бартола. Роман «Аламут» // Литературные итоги XX века (Центральная и Юго-Восточная Европа). М., 2003. С. 232-240.
24. Slovenski zgodovinski roman med vojnama. Nacionalno in universalno // Slovenski roman. Ljubljana, 2003. S.251-257.
25. Исторический роман в словенской литературе межвоенного периода. Генезис жанра // Славяноведение. 2006. № 1, С. 39-49.

26. К проблеме становления словенского исторического романа как феномена культуры // Филологические заметки: межвуз. сб. научн. тр. Вып. 4: в 2 ч.; Перм. ун-т. Пермь, Скопье, Любляна, 2006. С. 263-273.
27. Философские мотивы в историческом романе Словении XX в. // Slavistična revija. Ljubljana. 2007. № 1. S.95-110.
28. Исторический роман. К проблеме типологии жанра // Вестник Московского университета. Филология. Серия 9. 2007. № 2.
29. Словенский исторический роман второй половины XX века // Славяноведение. 2007. № 3.
30. Темы и сюжеты словенской исторической прозы 1840-1910-х гг. // Славянский вестник. Выпуск третий. Изд-во Московского университета. 2007.